был важнейшим чиновником императора, влиявшим на принятие политических и административных решений. На основании Устава о канцелярии 1559 г. в статье рассматриваются основные этапы ее делопроизводства, которые также иллюстрируются с помощью грамот и писем из Архива СПбИИ РАН. На примере рукописей из СПбИИ РАН автор характеризует номенклатуру документов, изготовлявшихся в императорской канцелярии: пожалования и привилегии, ходатайства, назначение пенсий, различных выплат, удостоверения о выплате налогов, императорские указы по вопросам внутренней и внешней политики империи и т.д.

Ключевые слова: Императоры Священной Римской империи, Габсбурги, Карл V, Фердинанд I, Максимилиан II, Рудольф II, императорская канцелярия, чиновничество, Реформация, конфессиональная эпоха, Аугсбургский религиозный мир.

T. N. Tatcenko. The Habsburgs Imperial Chancery in the 16th century: evaluating the original documents from the Archive of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

In the Archive of the St. Petersburg Institute of History are preserved several dozen original charters and letters of the Holy Roman Emperors from the 16th century. The paper deals with the history of the Imperial Chancellery, one of the most important imperial administrative institutions in the 16th century. The Imperial Chancery was a business, diplomatic and legal office concerned with production of administrative, legal documents and official correspondence. The Imperial chancery had developed an organizational structure that divided chancery personnel into several broad strata: the archchancellor, vice chancellor (the highest level), senior secretaries, secretaries, taxators, registrars, firm servants. Vice chancellor, the actual boss of the Imperial Chancery, had absolute control of all subordinate Chancery personnel, his position was essentially political in nature. All officials of the Imperial Chancery in the 16th century have come from the middle class and have been professionally educated; they took loyalty and confidentiality oath to the emperor.

Parting from the Imperial Chancery Ordinance of 1559, main phases of the issuance of a chancery charter or letter are represented in the paper.

On the base of charters and letters from the archives at the St. Petersburg Institute of history different generations of the chancery production are discussed: confirmations of privileges of any kind, letters of recommendation, Imperial mandates and edicts etc. A special emphasis is placed on typical linguistic formula and types of signatures.

Key words: The Holy Roman Emperors, the Habsburgs, Charles V, Ferdinand I, Maximilian II, Rudolf II, the Imperial Chancery, the employees, the Reformation, the confessional era, The Peace of Augsburg.

Таценко, Тамара Николаевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Tatcenko, Tamara Nikolaevna — Ph. D., Senior Researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tntatsenko@mail.ru

УДК 930
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00081

М. Б. Свердлов

Н. И. Новиков как историк России древней и новой

Определение вклада Николая Ивановича Новикова в развитие российской исторической науки является особой историографической проблемой (особенности публикации им исторических источников здесь не рассматриваются как особая тема археографии). Исследователей интересовала прежде всего его деятельность просветителя, журналиста, книгоиздателя, масона, рассматривались его труды как издателя исторических источников. Но, вероятно, только Л. А. Дербов обстоятельно изучил работы Новикова как историка[1]. Он обоснованно написал о выделении в них вслед за Ж. Боденом, Ж.-Б. Дюбо и Ш. Монтескье особого значения климата в формировании народного характера, отметил, что в сочинениях и изданиях Новикова содержатся идеи развития человечества от первобытного состояния, удовлетворявшего лишь физические потребности, к потребностям духовным (науки, искусство), которые являются основой материального преуспевания и духовного совершенствования людей.

К другим материальным причинам, определявшим в новиковских работах историческое развитие, Дербов отнес численность населения («многонародие»), материальные потребности общества, но основное в истории для Новикова — развитие культуры, просвещения, народного быта, нравов. Он отмечал идеализацию Новиковым русской старины, повествование о ней «в приподнято-патриотическом духе», что объяснил новиковской борьбой против современного ему «развращения нравов», против «молодых кощунов», не уважавших национальных традиций и предпочитавших всё иностранное, против

иностранных авторов, которые «легкомысленно и развязно писали о России и русских». Дербов написал также о названных Новиковым негативных сторонах «старины» — о «фанатизме», суеверии, крючкотворстве и волоките «приказных», о взяточничестве, неправосудии, об особенностях разных народов с их достоинствами и «пороками», в чем выражалось своеобразие этих народов. Отметил Дербов новиковское сопоставление исторических событий в разных странах, безусловный приоритет в его занятиях русской историей, несмотря на большое уважение к западной культуре и высокую оценку ее достижений.

Вместе с тем, сосредоточение Дербова на идеях Новикова вне широкого историографического контекста создавало впечатление, что они сформулированы Новиковым самостоятельно и составляли его целостную концепцию[2]. Но если учесть установленные Дербовым в сочинениях и публикациях Новикова исторические идеи в контексте общественно-политических, исторических и философских трудов его времени, то окажется, что Новиков был хорошо в них начитан, усвоил их содержание и использовал в своих работах. Он находился на уровне передовых идей XVIII в. Так что при анализе его работ необходимо постоянно учитывать этот контекст.

Состояние историографического изучения наследия Новикова свидетельствует о том, что его следует продолжить.

Н. И. Новиков (1744–1818) родился в родовом имении Авдотьино (Тихвинское) Коломенского уезда Московской губернии. После несистематического и незавершенного домашнего образования, обучения в дворянском отделении гимназии при Московском университете (его отец болел, и Николай должен был находиться в Авдотьино) и службы в 1762–1767 гг. в гвардейском Измайловском полку он вместе с другими сослуживцами по гвардии и бывшими учениками 17 сентября 1767 г. был зачислен в технический аппарат Уложенной комиссии для ведения протоколов. Ему было поручено протоколирование заседаний подкомиссии «о среднем роде людей», т.е. о городском торгово-ремесленном населении, а позднее — работа с бумагами Большого собрания Комиссии. Так что он смолоду оказался в курсе важнейших экономических и социальных проблем Российской империи в новейший период ее истории. После недолгой службы в 1768–1769 гг. в Муромском пехотном полку он вышел в отставку и вернулся в Петербург. Как написал П. Н. Берков, используя слова фонвизинского Стародума из «Недоросля», «Новиков был одним из первых русских дворян, которые “внутренне удостоверились”, что их служба “отечеству прямой пользы не приносит”»[3].

Воспользовавшись либеральной политикой Екатерины в издательском деле, Новиков в качестве издателя журналов и публициста стал анализировать состояние российской государственности в новейший период ее истории. В сатирической форме он объяснил в 1769 г. современникам и потомкам в «Предисловии» к своему первому журналу «Трутень», что все виды службы в России недостойны дворянина, поскольку несовместимы с нравственностью:

«...всякая служба не сходна с моею склонностию». «Военная, — продолжил Новиков, — кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество (т.е. достоинство. — *М. С.*)». На «приказной», т.е. гражданской службе, «надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: “Дай за работу”, а это очень трудно». По наблюдениям Новикова, «придворная всех покойняе и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру <...>»[4]. В таких наблюдениях Новиков совпал с суждениями Д. И. Фонвизина[5].

Свое аналитическое отношение к действительности Новиков сформулировал уже в эпиграфе «Трутня»: «Они работают, а вы их труд ядите!» Эта цитата из притчи А. П. Сумарокова осуждала тех представителей привилегированных сословий, которые стремились жить в своих владениях, не трудясь, не служа государю и Государству, т.е. не следуя одному из основных принципов Петра Великого всего через 44 года после его кончины.

В первом же листе «Трутня» Новиков отметил свойственное его времени угодничество людей, желавших добиться успеха в жизни, но не трудом и талантом, распространенность непрофессионального отношения к делу «молодых наших дворян», которые следовали принципу «неделю учися и век живи». Многие недостатки в образе жизни этих дворян Новиков объяснял бездумным увлечением иностранными заимствованиями, особенно французскими, усвоением не положительного западного опыта, а поверхностных суждений и недостатков[6].

Еще А. И. Незеленов отметил, что для изданий Новикова, и в частности для его журналов, кроме «Кошелька», было свойственно постоянное внимание к положению крепостных крестьян. В «Трутне» Новиков излагал их положение как историк современной действительности: «*Безрасуд* болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую оброк. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостаивает их наклонением своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: “Я — господин, они — мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора”. <...> Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва имеют дневное пропитание, за тем что насилу могут платить господские поборы. Они говорят: “Это не мое, но Божие и господское”». Такое же отношение к слугам господина со значимым именем Злорад. Этому произволу Новиков противопоставил «вопиющий глас природы: “И рабы человеки”»[7].

Некоторые исследователи видели в этих словах отрицание Новиковым крепостного права, призыв к его отмене[8], что представляется преувеличением. Новиков являлся активным сторонником гуманного отношения к крепостным[9]. В таком отношении к крепостным крестьянам, к взиманию чрезмерных господских податей он был близок к екатерининским указам. Поэтому его «Трутень» вскоре после начала издания в 1769 г. не был подвергнут гонениям. Новиков не предлагал отменить крепостное право, хотя писал о тяжелом материальном положении крепостных и их бесправии, но противопоставлял помещику-тирану разумного господина.

Впрочем, в Новикове гуманист и историк современной российской действительности брал верх над рациональным владельцем господского хозяйства. В пятом листе первой части «Живописца», изданного в 1772 г., он опубликовал «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», в котором повествовалось об ужасающей нищете крепостных крестьян, в чем виноваты были их помещики. Вне зависимости от того, кто автор этого произведения, А. Н. Радищев или Н. И. Новиков (дискуссия о его атрибуции ведется)[10], издатель «Живописца» был согласен с достоверностью здесь написанного. Впрочем, как отметил В. П. Степанов, это повествование не вызвало гнева у императрицы. По его словам, на нее «необузданный произвол русского дворянства тоже производил удручающее впечатление, и она не без основания считала, что благородное сословие рубит опору, на которой держится внутреннее спокойствие государства»[11].

Новиков перечислил и другие несправедливости в современной ему России. Один «всякими недозволенными средствами, лихоимством, обидою ближних и разорением беспомощных собрал себе великие сокровища». Другой надменен, «имеет знатной чин, великой достаток и малой ум; ему велено делать людей блаженными, поелику можно, но он и последнее спокойство у них отнимает». Третий — ханжа, «притворные молитвы, набожность и посты не мешают ему разорять и утеснять, сколько возможно, подобных себе», он «грабил тысячами, а раздает полушками». Есть вокруг и другие люди неправедные[12]. «Трутень», изданный Новиковым в 1770 г., имел другой эпиграф, но также заимствованный из притчей Сумарокова: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много».

Российские «зверства и безумства» для Новикова остались те же, но теперь он пытался дать россиянам и их правительнице «наставленье». Многочисленным щеголям и «щеголихам», которые ничего, кроме модных нарядов, не воспринимают, он сообщил, что существует другой, интеллектуальный мир книг. Новиков называет этот мир словами некой «щеголихи» своего времени: «всё Феофаны да Кантемиры, Телемаки, Роллени, Летописцы и всякой эдакой вздор». Новиков перечислял в качестве «всякого эдакого вздора» изданные к тому времени в России труды сторонников преобразований Петра Великого новгородского и великолукского архиепископа Феофана Прокоповича(1681–1736), историка и бывшего молдавского господаря Д. К. Кантемира (1673–1723), его

сына поэта-сатирика и дипломата А. Д. Кантемира (1709–1744), переведенный В. К. Тредиаковским роман Ф. С. Фенелона (1651–1715) «Похождения Телемака», где были изображены плохие правители и их придворные с намеками на Людовика XIV и его двор, тяжелое положение французских крестьян и, напротив, приводились положительные образцы государственного устройства в других странах. В качестве примеров исторических трудов Новиков привел в словах «щеголихи» многотомное сочинение Ш. Роллена (1661–1741) «Римская история», а также опубликованные в 1767 г. И. С. Барковым «Библиотеку российскую историческую, содержащую древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской, древних и средних времен. Ч. I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г.» и А. Л. Шлёцером первую часть «Руской летописи по Никонову списку». Для отечественных щеголей и «щеголих» смысл и значение таких книг остались непостижимыми. Как сказала новиковская «щеголиха», «честью клянусь, что я, читая их, ни слова не разумела», а от чтения труда Феофана Прокоповича у нее «сделалась теснота в голове».

Можно предположить, что этот перечень выдающихся для своего времени авторов и первых публикаций летописей свидетельствует о формирующемся у Новикова уже в 1770 г. плане многотомного издания русских исторических источников и исследований, нового для него направления деятельности. В «Трутне» под именем «Чензыя, китайского философа», Новиков советовал Екатерине II совершенствовать состояние российской государственности. Он предложил назначать «людей ученых и просвещенных» «во все важные должности так, как и в большие и малые судьи и градоначальники». Он предлагал ей «возлюбить науки». Тогда науки полюбят государево окружение и народ. В качестве примера замечательных возможностей российской науки и литературы Новиков опубликовал уже в другом листе «Трутня» надпись, посвященную М. В. Ломоносову, на его надгробии, возведенном графом М. И. Воронцовым, как «Истории Российской учителю», ученому и литератору. Поэтому Новиков призывал: «...ко прославлению России и к чести нашего века да умножатся таковые писатели, какого мы видели в покойном г. Ломоносове и какого видим г. Сумарокова».

О пристальном внимании Новикова к исторической науке в России уже в 1770 г. свидетельствует тот факт, что «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина, Российской истории писателя, последовавшую в Санктпетербурге 18 апреля 1770 года» были опубликованы в «Трутне» уже 20 апреля. Показателен перечень достоинств «Российской истории» Эмина в стихотворении, идеи которого, видимо, разделял Новиков; возможно, он являлся и автором стихотворения. Первое из них — изложение российской истории с древнейших времен с учетом трудов многих предшествующих историков, Нестора, М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева и А. Я. Хилкова (здесь и далее в порядке перечисления Новиковым). Князя Хилкова (ум. в 1718 г.) считали в XVIII в.

автором изданного в начале 1770 г. «Ядра российской истории», написанного его секретарем А. И. Манкиевым. Другим достоинством труда Эмина указано стремление историка сопоставлять разные по происхождению сведения источников, уточнить время происходивших событий[13].

В научной литературе давно было отмечено, что в третьем новиковском журнале «Живописец», который начал издаваться в апреле 1772 г., изменилось отношение его издателя к содержанию внутренней политики Екатерины II и ее литературной деятельности[14]. Основным в посвящении журнала императрице стал призыв к ней устранить распространенные в стране нравственные пороки. Вместо абстрактного вышучивания человеческих недостатков, на чем настаивала Екатерина, он предлагал борьбу с конкретными людьми высокопоставленными, но недостойными. Не забыл Новиков об утверждении в России свободы мысли: «Вы первой достойны показать, что дарованная вольность умам российским употребляется в пользу отечества», поэтому его журнал должен следовать не внешней образности, а использовать аналитические методы для раскрытия сути негативных явлений.

В сатирическом тоне Новиков написал об отсутствии в высшем обществе грамотности, а завершил он экскурс об отношении к наукам в разных слоях российского правящего общества суждением человека со значимым именем Кривосуд, который получил «судейский чин»: «По наукам ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться, однако ж я судья. <...> Науками ли получают деньги, науками ли наживают деревни, науками ли приобретают себе покровителей, науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь, науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет, так к чему же они годятся? <...> О науки! Науки! Бесполезная тяжесть. О ученые! Ученые! Вы-то прямые дураки»[15].

В «Живописце» Новиков продолжил осуждение бездумных заимствований «иностранных пороков», тогда как у других народов есть «много доброго», добродетели, науки, художества, промыслы. В новом журнале он изобразил недостатки старого образа жизни преимущественно провинциального дворянства. Незеленов обобщил эти недостатки по Новикову: «Глубочайшее невежество и суеверие, ханжество и внешнее благочестие, жадность, дикий произвол, выражающийся в семейной жизни побоями от рук главы семьи жены и всех домашних, в служебной и общественной деятельности — казнокрадством и взяточничеством, непониманием общественных интересов, наглым отниманием соседских земель, в отношениях к крестьянам императрице кажутся бесчеловечной жестокостью». Изобразил «Живописец» пороки, свойственные также другим сословиям, купцам, лицам духовным, да и «простому народу»[16].

Социальная тема оставалась существенной для Новикова и позднее. Даже его журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789 гг.) в первые два года его издания воспитывал у юных читателей стремление к духовному совершенствованию и гражданственности, к гуманности, демократизму, честности,

принципиальности, мужеству[17]. Но вследствие предреволюционных и революционных событий во Франции журнал должен был соблюдать осторожность, так что на его страницах стали публиковать преимущественно переводы сентиментальных повестей.

Свой четвертый журнал, «Кошелек», выходивший в 1774 г., Новиков посвятил Отечеству. Духовные сокровища, открывшиеся ему в период подготовки к публикации древнерусских исторических материалов, обострили его чувство патриотизма. Новикову, как и многим другим россиянам, было чуждо бездумное увлечение иностранным. Но сейчас он, как немногим ранее в «Бригадире» Фонвизин, не только осудил галломанию, но также противопоставил ей национальные ценности. Поэтому Новиков заостренно поставил перед соотечественниками проблему соотношения национального опыта страны, имеющей славное историческое прошлое, и освоения россиянами культурного опыта, накопленного другими странами и народами.

Посвящение нового журнала — не только признание в любви к Отечеству, но и к ее истории: «<...> я, будучи рожден и воспитан в недрах Отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувствованию и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают <так!>».

Но такое признание в любви к Родине не означало для Новикова не видеть всей сложности ее истории. По его мнению, российскую историю не следовало идеализировать. С иронией он излагал суждение тех, кто «прославлял» «древние российские добродетели»: «В старину-то было хорошо жить; в старину-то были люди богаты; в старину-то хлеб родился; в старину-то были люди умны, *и проч.*»[18].

Вероятно, хорошее знакомство с общественно-политической, исторической и философской литературой своего времени подсказало Новикову, что его предназначение не в разработке новых идей в этих отраслях гуманитарного знания, а в их распространении, в публикациях исторических источников и исторических научных трудов. Они стали не только одним из направлений его просветительской деятельности, но также возможностью способствовать развитию исторической науки в России.

В 1773 г. Новиков системно разделил историю молодой российской исторической науки на два периода. Первый из них — время «прагматической российской истории», т.е. истории государства и деяний людей в причинно-следственных связях. К такой истории он отнес труды Т. З. Байера, В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, М. В. Ломоносова. Второй период он отнес ко времени правления Екатерины II, к ее особым заботам о приведении в современное состояние архивов и об издании рукописей. Именно в сохранении и изучении «старинных рукописаний российских», в «издании на свет манускриптов» Новиков обозначил «новый путь к сочинению» российской

истории. К этому «новому пути» он отнес публикации летописей И. И. Таубертом, которого тогда считали издателем Радзивиловской летописи, и А. Л. Шлёцером, а также свою деятельность при активном содействии М. М. Щербатова и Г. Ф. Миллера, «и других». На этом основании Новиков предложил создать «корпус» опубликованных рукописей[19].

Эти размышления Новиков опубликовал в связи с реферированием труда в четырех частях конректора академической гимназии И. Г. Штриттера «Известия византийских историков, объясняющие Российскую историю древних времен и поселения народов» (СПб., 1770–1775). Опубликованные в нем переводы создали новые возможности для разысканий историков, которые не знали или знали недостаточно греческий язык. Разумеется, Т. З. Байер, Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов обращались к византийским, а также европейским латиноязычным и древнескандинавским историческим источникам, а Байер также к арабоязычным. Для В. Н. Татищева переводы готовил знаток древних языков и лексикограф К. А. Кондратович. Но такие обращения к иностранным источникам зависели от конкретных исследовательских сюжетов и являлись выборочными.

Комплексное выявление известий византийских источников о средневековых исторических событиях и народах Восточной Европы, их перевод на русский язык дали историкам много новых сведений, которых не содержалось в древнерусских исторических источниках. Их информация взаимно дополнялась и корректировалась. Поэтому Новикову стала очевидной необходимость не только системного использования иностранных источников для «нового пути» исследований средневековой русской истории, но также «для очищения и объяснения Истории Российския», «для правил строгия критики, весьма нуждныя для очищения летописей наших», т.е. для критического изучения исторических событий и основного источника сведений о них — летописей.

Эти размышления Новикова свидетельствуют о том, что публикация им в «Вивлиофике» значительного по объему и содержанию корпуса исторических источников — его средство прокладывания «нового пути» к созданию исторических исследований, которым свойственен критический анализ используемых исторических источников и сообщаемых ими сведений.

Первым трудом Новикова в этой отрасли знаний стал биобиблиографический «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный в 1772 г. В нем сообщалось не только о российских литераторах, но также о тех, кто писал об отечественной истории, включая летописцев. В научной литературе обсуждался вопрос, что послужило поводом для написания этого труда. М. И. Сухомлинов отметил, ссылаясь на новиковское предисловие к «Опыту», что целью его создания являлось спасение от забвения творчества российских писателей и их имен. Он обратил внимание на то, что в «Опыте» приведены сведения как о писателях знаменитых, так и об авторах самых скромных достоинств. Но о них за редкими исключениями сообщались положительные характеристики. Он отметил также многообразие использованных Новиковым источников информации, устных, печатных и рукописных[20].

Эти наблюдения над причинами и основными характеристиками новиковского «Опыта» легли в основу их оценок с определенными отличиями в последующей дореволюционной литературе. В соответствии с идеологемами советской литературы, сосредоточенной до второй половины 1950-х гг. на обличениях самодержавных правителей России, филологи видели в «Опыте» оппозицию преимущественно «Антидоту» Екатерины II и придворным литераторам. Такой подход стал преодолеваться в 1960–1980-е гг., когда «Опыт» стал интерпретироваться как проявление поддержки Новиковым Екатерины II в ее стремлении показать всему миру, что культура России, ее литература имеет многовековую историю. Впрочем, М. П. Лепехин вернулся к идеям 1940-х — первой половины 1950-х гг. о скрытой в «Опыте» критике Екатерины и ее «Антидота»[21]. Историки обратили особое внимание на историографическое значение новиковского «Опыта»[22]. При этом Дербов написал о предназначении этого труда для современных ему задач российской исторической науки[23].

В данной связи следует отметить, что Новиков хорошо знал предшествующую библиографическую литературу, посвященную российской истории, прежде всего труд А. Б. Селлия «Литературные заметки о писателях, которые разъясняют своими сочинениями политико-церковную историю России»[24]. Биографии этого автора он посвятил в «Опыте» обстоятельный очерк. Но эти работы свидетельствовали лишь о необходимости создания биобиблиографического словаря и о его научном содержании. Новиков особо подчеркнул потребность в таком словаре, поскольку в отличие от других «европейских народов» «одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погибелью многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем сведения». Выполнение такой задачи он считал не только научным, но и патриотическим долгом. Поэтому представляются недоказанными суждения о противопоставлении Новиковым своего труда екатерининскому «Наказу» и самой императрице или, напротив, их поддержке. Назначение его труда было значительно более высоким.

Патриотическим по содержанию стало противопоставление Новиковым российского исторического прошлого и ее настоящего. Зависимость Руси от Золотой Орды противопоставлена им российским победам в начавшейся в 1768 г. войне с Турцией, прежнее отсутствие наук — современному состоянию страны, которая «о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися». В таком внимании к особому для России значению наук Новиков следовал за Петром Великим. Судя по сноскам и конкретному изложению содержания, Новиков, работая над «Опытом», ознакомился с основными трудами, посвященными истории России и средневековой русской письменности, изданными к этому времени. Что касается истории летописания — важнейшего источника для изучения общественно-политической

истории средневековой России, то, руководствуясь обобщающими исследованиями В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, И. С. Баркова и М. М. Щербатова, в данной научной проблеме он находился на самом высоком уровне знаний своего времени. Он поддержал критические наблюдения Г. Ф. Миллера, Ф. А. Эмина и М. М. Щербатова над так называемыми «татищевскими известиями», т.е. теми сообщениями в «Истории Российской» Татищева, которые не подтверждаются аутентичными историческими источниками[25].

Новиков написал словарные статьи с краткими сведениями о жизни и творчестве известных к концу 1760-х — началу 1770-х гг. средневековых русских авторов, а также о российских исследователях, которые к этому времени изучали древнюю и новую русскую историю и средневековую письменность. Отметил он и новое для российской исторической литературы явление — изучение русской истории людьми знатными. Ранее отечественную историю изучали по преимуществу представители непривилегированных сословий и духовенства, а также обедневших дворянских родов. Занятия историей и другими науками предполагали ежедневный тяжелый и упорный труд. Они не сулили обогащения, наград, славы в отличие от службы гражданской, особенно военной и придворной.

Таким образом, в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков обобщил значительные результаты отечественных исследователей в изучении российской истории и преимущественно летописания. Его наблюдения имели не только справочное значение. Они показали, что необходима публикация многочисленных сохранившихся исторических источников. Эта задача была тогда крайне важна, поскольку материалы хранились в государственных и частных архивах и ознакомиться с ними можно было лишь при особом разрешении властей или владельцев. В то же время их издание свидетельствовало о значительности памятников средневековой русской письменности. Поэтому уже, вероятно, во время работы над «Опытом» у Новикова появился план их многотомной публикации. К этому времени он уже обладал большим издательским опытом. Так что публикация исторических источников могла стать и стала для Новикова той значительной сферой деятельности, где он мог принести пользу своей стране и исторической науке, «просвещению сограждан своих».

Вероятно, начальным намерением Новикова являлось издание отдельных памятников древнерусской письменности. Первой такой публикацией стала в 1773 г. «Книга Большому чертежу», которую он назвал «Древняя Российская идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей и какие по них городы и урочища, и на каком оные расстояния». Этот труд — созданный в 1627 г. объяснительный текст к несохранившейся генеральной карте Московского государства. Он свидетельствовал о замечательных познаниях русских людей в географии своей страны. Поэтому Новиков избрал его для публикации, как он написал в предисловии, в научных целях («для сохранения сего списка»), для сохранения исторической памяти и воспитания

у своих современников исторического мышления («для удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ и прочих достопамятных известий»). Но главными для него стали цель патриотическая и утверждение преемственности исторического развития России допетровской и петровской.

Как следует из предисловия, Новиков был хорошо подготовлен к этой публикации. Рукопись «Книги Большому чертежу» он получил от известного коллекционера и издателя памятников средневековой русской письменности П. К. Хлебникова, но этим списком он не ограничился. Как написал Новиков, «я старался отыскивать другие и нашел в библиотеке императорской Академии наук два списка, один старинным, а другой новым письмом писанные». Он привел краткое описание этих рукописей и сообщил о еще трех известных ему списках данного сочинения. Он так сформулировал свои принципы археографической подготовки текста к изданию: «Прочитав все оныя списки, нашел я, что полученный мною от господина Хлебникова список старее всех, и потому решился издавать по оному, исправив только против других находившияся в нем описки и погрешности. <...> В некоторых местах не находится наименования речек, а в других одни реки двумя наименованиями означены, но я оставлял оные погрешности точно так, как находятся в списках, опасаясь, чтобы поправками не погрешить более самого переписчика».

По мнению Новикова, публикуемый труд первоначально состоял из трех частей. Как он о себе скромно написал, «и если не ошибаюсь, то вторую часть оныя отыскал я под названием Поверстыя книги». Что касается третьей части, содержащей сведения о городах, где «находились бояре или окольничие и проч., то по сие время нигде еще оныя отыскать ее не мог». Новиков в полной мере обоснованно соотнес «Поверстную книгу» с «Книгой Большому чертежу»[26]. Впрочем, в отличие от мнения Новикова, она была написана в дополнение к «Книге Большому чертежу», но не являлась ее второй частью.

Эти сведения Новикова в ограниченной мере привлекла Г. Н. Моисеева для характеристики его археографической деятельности[27]. Но при этом она не учла сведения, которые указывали на значительную активность его самостоятельного поиска рукописей. Упростила Моисеева метод Новикова по археографической подготовке текста к печати, ограничив его выбором более древнего списка и исправлением «описок и погрешностей». Она не обратила внимания на осознанное ограничение издателем этой правки, т.е. критический анализ так называемых «погрешностей». Этот анализ Новиков оставил последующим исследователям.

Когда Новиков принял решение об издании «Древней Российской вивлиофики», он был в полной мере подготовлен к археографической деятельности на уровне своего времени. Готовясь обратиться к Г. Ф. Миллеру — руководителю московского Архива Коллегии иностранных дел, основного в то время государственного хранилища древних документов для получения их копий, он научно обоснованно назвал их основные виды:

«1. Копии с грамот.

2. — с трактатов.

3. — с посольских наказов и описаний посольств.

4. — с церемониалов в Архиве находящихся и других достопамятных вещей, по рассмотрению г. Миллера к печатанию годных»[28].

Это решение стало осуществлением сформулированного еще в 1720 и 1722 гг. Петром Великим намерения спасти рукописные сокровища отечественных древностей от гибели, копируя их, собирая в архивохранилища и издавая их по мере надобности в целях политических. Намерение Новикова издать многотомную «Древнюю Российскую вивлиофику» стало продолжением, развитием и в определенной мере осуществлением других предшествующих проектов, Татищева и Миллера, по собиранию исторических источников по истории России и их публикации. Но он понимал, что без поддержки, включая финансовую, Екатерины II он не сможет решить эту задачу.

Но и Екатерина II понимала особое, государственное, значение издания «Вивлиофики». 26 октября 1773 г. она написала распоряжение Миллеру о копировании для Новикова «описаний посольств, с разных обрядов или чинов и других достопамятных вещей не меньше как и любопытных, о чем он нас просил». В этом распоряжении лишь повторены те виды исторических источников, которые ранее были названы Новиковым. 7 ноября того же года Миллер сообщил императрице о получении ее повеления и перечислил те же архивные материалы[29]. Екатерининский указ позволил Миллеру при его доброжелательном отношении к людям, занимающимся разысканиями о российской истории, значительно расширить количество видов передаваемых Новикову копий исторических источников. Такая поддержка Екатерины, в том числе и финансовая, придала «Вивлиофике» государственное значение. Последующим исследователям была очевидна большая роль «Вивлиофики» в российской историографии как первого многотомного издания материалов, содержащих значительную информацию о русской истории. Проблема заключалась в определении его конкретного научного содержания и издательского процесса. Исследователей, которые их обстоятельно изучали таким образом, было немного (А. И. Незеленов, Л. А. Дербов, Г. Н. Моисеева). Однако издательский процесс «Вивлиофики» нуждается в продолжении исследования. Многие авторы в полной мере обоснованно писали о патриотических целях, которые преследовал Новиков, приступая к изданию «Вивлиофики». В этой связи они привели его критические замечания в предисловии к «Вивлиофике» в адрес тех русских, которые увлечены французской культурой, не замечая или осуждая культуру отечественную. В этих суждениях Новиков поддержал настроения многих просвещенных русских людей. Но при этом, кажется, не обратили внимания на то, что в своей критике он совпал также с направленностью опубликованного тремя годами ранее «Антидота» Екатерины II. Такое указание их общего противника в конкретном авторе — аббате Шаппе д'Отроше — содержится в предисловии в виде тогда всем понятной аббревиатуры: «Но я прекращу сие, дабы не навлечь на себя гнева сих подражателей клеветы А* де Ш**».

Таким совпадением интересов Новиков не только обратил сочувственное внимание императрицы к своему изданию. Не менее, а может быть, и более важным для него стало пробудить в своих просвещенных соотечественниках интерес и любовь к российской истории во всех ее проявлениях, не только героических и светлых, но также темных и неприглядных. Новиков написал о тех «согражданах», которые «станут, может быть, пересмехать суеверие и простоту, или, по их [мнению], глупость наших праотцев», но если вспомнить про «день св. Варфоломея» во Франции, «тогда не должно будет удивляться, что у нас некоторые частные люди от суеверия пострадали». В таких наблюдениях прослеживаются как утверждение России в общеевропейском единстве, так и логика екатерининского «Антидота» в сравнении российских и еще бóльших французских недостатков.

Позднее Новиков раскрыл процесс подготовки и начала издания «Вивлиофики»[30]. В отличие от традиционных характеристик первого и второго изданий «Вивлиофики» лишь как различающихся по объему и содержанию публикаций можно проследить определенные обстоятельства в деятельности Новикова, которые характеризуют его как издателя многотомных исторических материалов. Ему было свойственно широкое ви́дение российского исторического прошлого. Поэтому и после со значительными трудностями осуществленного первого издания «Вивлиофики» он стремился к многотомным публикациям, в которых можно было сообщить широкому кругу читателей о тех материалах, в которых содержатся еще неизвестные бесчисленные сведения об отечественной истории.

Показателен в данной связи появившийся в 1775 г., в год завершения первого издания «Вивлиофики», проект Новикова по созданию исторического журнала «Сокровища Российских древностей». В объявлении о его публикации в 1776 г. сообщалось, что в нем будут напечатаны материалы о строительстве, а также описания всех российских соборов, монастырей и приходских церквей. Издатель извещал будущих читателей о намерении приводить сведения о находящихся в них исторических достопримечательностях, надгробных надписях. Особо названы предстоящие публикации портретов российских государей «в медальном виде» и кратких их биографий, «гербов российских царств, княжеств и прочих городов с их описаниями», «древних российских монет с их описаниями», «сведения о русских книгах, посвященных российской истории и географии». Поддерживая это издание, Екатерина II велела подписаться на шесть его экземпляров. Был подготовлен первый выпуск «Сокровищ Российских древностей» и отпечатан его сигнальный экземпляр[31].

Первый выпуск «Сокровищ Российских древностей» посвящен описанию трех главных соборов Московского Кремля, Архангельского, Благовещенского и Успенского (в порядке помещения материалов), а также находившихся в них погребений, надписей и прежде всего содержащихся в них церковных

древностей. В описания были включены летописные сведения о времени их строительства и об их строителях. Подготовленному первому выпуску «Сокровищ» было свойственно светское изучение памятников русской средневековой материальной и духовной культуры как составной части церковного обихода. Но к осуществлению такого рода многотомного издания, вероятно, не были готовы во второй половине XVIII в. ни издатели, ни просвещенная часть российского общества. Вместе с тем, этот выпуск свидетельствовал, что русские интеллектуалы того времени понимали значительные возможности научного изучения российских древностей, а Новиков с его проницательным пониманием и масштабным ви́дением издательских проблем проявил готовность такое эдиционное предприятие осуществить.

Одновременно Новиков предпринял попытку возобновить под другим названием «Древнюю Российскую вивлиофику». В 1776 г. в Петербурге был опубликован первый выпуск «Повествователя древностей Российских». По характеру публикуемых разнообразных материалов издание продолжило «Вивлиофику». Из реферативного изложения содержания первого выпуска «Повествователя древностей Российских» следовало, что опубликованные в нем материалы были предоставлены издателю, в частности, по повелению императрицы ее статс-секретарем и доверенным лицом С. М. Козминым[32].

Публикация «Повествователя древностей Российских» не была продолжена вследствие нескольких причин. Обычно исследователи называют финансовые трудности Новикова. Но, видимо, более значимой являлась неудовлетворенность читателей и самого издателя разнородным содержанием публикуемых в ней исторических материалов. На эту причину может указывать высокий уровень подготовки и содержание первых томов второго издания «Древней Российской вивлиофики», опубликованных в 1788 г.

Первые две ее части — единого тематического содержания. Они представляли собой находившиеся в московском архиве Коллегии иностранных дел договорные грамоты Новгорода с великими князьями со второй половины XIII в. до последней договорной грамоты 11 августа 1471 г., причем увеличено было число опубликованных договорных грамот с тверскими князьями. Во второй части содержались ранее не публиковавшиеся духовные и договорные грамоты Ивана III Васильевича. Кроме текстов грамот в обеих частях содержалось сокращенное изложение их содержания и описание. Это был новый, более высокий уровень подготовки грамот к изданию.

Такое издательское единство не было соблюдено в третьей части второго издания «Вивлиофики». Она начиналась «сообщенными» Новикову Г. Ф. Миллером ранее не публиковавшимися грамотами Ивана III Васильевича. В ней были перепечатаны полоцкие акты из первого издания «Вивлиофики», но они были дополнены грамотами, ранее не издававшимися, также хранившимися в московском архиве Коллегии иностранных дел и «сообщенными» Миллером. «Сокращения» грамот в третьей части нет.

Учитывая такие значительные изменения в содержании первых трех частей, можно предположить, что после переезда в Москву в 1773 г. Новиков при активном содействии Г. Ф. Миллера и Н. Н. Бантыш-Каменского начал готовить второе издание «Вивлиофики», причем в подготовке первых двух частей определяющее значение имело участие Г. Ф. Миллера. Его смерть в 1783 г., вероятно, стала причиной того, что в третью часть «Вивлиофики» еще были включены актовые материалы, но в отличие от первых двух частей не стало сокращенного изложения их содержания и появились дополнения нарративными источниками. Новиков продолжил подготовку последующих томов с помощью Бантыш-Каменского. Четвертая и пятая части содержат в большей части ранее не издававшиеся посольские статейные списки XVI–XVII вв., прекрасным знатоком которых он являлся. В последующих частях публиковались историко-церковные материалы, в частности, хранившиеся в «патриаршей книгохранительнице», исторические источники, ранее изданные Новиковым целиком или частично, а также их первые публикации. Они были как разнообразного содержания, так и тематически единые. Они поступили Новикову от Г. Ф. Миллера, от князей М. М. Щербатова и П. М. Волконского, от прекрасно образованных протоиерея кремлевского Архангельского собора П. А. Алексеева и протоиерея кремлевского Успенского собора А. Е. Левшина.

Не все исторические источники первого издания вошли во второе, тогда как второе издание включило большое число новых материалов. Эти публикации являются двумя собраниями исторических источников, лишь частично совпадающих в своем содержании. Они активно использовались в последующие два столетия в научных исследованиях, а многие их материалы не изданы до нашего времени в соответствии с современными археографическими правилами. Комментарии к публикуемым материалам позволяют установить у Новикова проницательный взгляд на исторические события. Определяющим для его понимания русской истории являлось то, что он характеризовал Россию как одну из европейских стран, развивающихся в общеевропейском контексте, но со свойственными ей особенностями национальной культуры. При этом ему было свойственно развитое чувство историзма.

Замечания о конкретном содержании событий российской истории можно встретить в разных сочинениях Новикова и в его изданиях, но более всего они содержатся в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях на 1777 год». Авторство статей в них, как обычно в журналах того времени, не указано. Вероятно, к реферированию или рецензированию опубликованных работ в своих «Ведомостях» он привлекал других специалистов. В редких случаях такие статьи подписаны инициалами, не принадлежавшими Новикову. П. Н. Берков считал, что они едва ли были реальными инициалами фамилий или имен его сотрудников[33]. Об авторстве Новикова реферативных статей и рецензий в «Ученых ведомостях» свидетельствует также тот факт, что тот,

кто их написал и опубликовал анонс 10 февраля 1777 г. в № 6, знал, что будет издано в будущих номерах. Аналогичный прием использован в № 17 «Ученых ведомостей»[34].

В «Ученых ведомостях» для Новикова основным являлось их просветительское и научное содержание. Его широта взглядов и хорошая подготовленность в анализе исторических источников и исторических фактов очевидна из реферирования материалов первого, январского, выпуска «Вивлиофики» 1773 г. Комментируя описание свадебного обряда при заключении второго брака царя Михаила Федоровича, Новиков отметил сохранение традиций этого обряда в отдаленных российских городах и деревнях в разных сословиях, у дворян, купцов и тем более у крестьян. Он также обратил внимание на появление в царском свадебном обряде отличий от предшествующего, великокняжеского.

Сообщив о пути из Москвы до Архангельска и далее во Флоренцию царского посольства в 1658–1659 гг. думного дворянина Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина к великому герцогу Тосканскому Фернандо (Фердинанду) II (1621–1670), Новиков не только верно определил тип опубликованного источника как статейный список. Он сформулировал назначение этого посольства — заключение торгового договора. При этом Новиков предложил до наших дней используемый метод комплексного изучения научной проблемы.

Исследовательскую проблему Новиков формулировал, начиная с внешней критики, описания источника. Характеризуя полученный от Н. И. Неплюева список «должностей старинных гражданских и придворных чинов», он изложил его внешние характеристики и предложил его датировку. Новиков указал также исследовательские проблемы, которые возникали в связи с его введением в научный оборот: необходимость «собрать и описать все чины и должности старинные, и означить их преимущества, каковые они тогда имели, ибо из некоторых статей в последующих частях Древния Российския Вивлиофики помещенных, усматривается, что некоторые чины и должности имели особливые свои доходы», т.е. Новиков обозначил проблемы изучения системы государственного управления, истории и структуры Государева двора, материального обеспечения их членов. Изложение Новиковым чина избрания, наречения, поставления патриарха и последующего патриаршего церемониального Шествия на осляти стало первым светским повествованием о значительных в своем содержании организационных и обрядовых началах Русской Церкви XVII в.

Комментарий Новикова в «Ученых ведомостях» перерос изложение основного содержания опубликованного по рукописи Неплюева «Соборного деяния об уничтожении местничества». Как историк Новиков изложил читателям содержание местнических отношений, написал об ущербе, который он наносил царской воинской и «гражданской» службе и даже быту представителей разных государевых чинов. Тем самым он обосновал объективную необходимость отмены местничества. Обратил он внимание и на сложности определения времени официального издания «Соборного деяния». Его интерпретация «Соборного деяния об уничтожении местничества» совпадает в основном с современными нам исследованиями[35]. С отменой местничества Новиков в полной мере обоснованно соотнес создание Бархатной родословной книги.

Такое же большое научное значение впервые в научной литературе включало изложение Новиковым основного содержания пространной редакции сборника ханских ярлыков русским митрополитам, опубликованного им по рукописи Успенского собора. Сформулировал он первую исследовательскую проблему, относившуюся к их изучению, — их датировку. Новиков предложил в полной мере обоснованный научный метод ее анализа: «Сие можно было бы учинить по временам, в которые жили сии митрополиты».

Являясь знатоком книг, издателем и проницательным читателем исторических источников, Новиков анонимно реферировал в своих «Ученых ведомостях» издание первой и второй частей «Древнего летописца» (СПб., 1774; 1775). Так были названы два Остермановских тома Лицевого свода. Он обоснованно предположил, что эти тома, а также ранее изданные Щербатовым лицевые «Царственная книга» и «Царственный летописец» (СПб., 1769; 1772), «суть отрывки одного полного труда». Привел он и доказательства: «Образ писания, приложенные рисунки, одинаковый вкус в рисовании и раскрашивании сие утверждают», а также другие наблюдения. При этом автор рецензии не считал себя историком-профессионалом: «Впрочем, достойны вероятия или нет сии наши догадки, мы оставляем судить искусным историкам нашим». Такое дистанцирование от историков-профессионалов, но вместе с тем обширные познания в средневековых русских исторических источниках и литературных произведениях всех видов, тонкое понимание их содержания не оставляют сомнения в том, что и эта обоснованная гипотеза о составе Лицевого свода в самом начале его изучения принадлежит Новикову[36].

Таким образом, к 1775 г. Новиков прошел сложный жизненный и творческий путь. Он активно выражал критическое отношение к российской действительности, стремился исправить недостойные нравы, призывал к гуманному обращению с крепостными, осуждал пороки крепостничества. В этом его критика во многом совпадала с практикой екатерининского правления того времени. Однако Новиков стремился показать, что может существовать другой, лучший мир.

Большое место в жизни Новикова с начала июня 1775 г. заняла масонская ложа, членом которой он стал. Изучению истории масонства в России и масонской деятельности Новикова посвящена значительная научная литература. Эти темы — особая исследовательская проблема, но масонская деятельность Новикова и его арест являются важным событием российской истории второй половины 1770-х — середины 1790-х гг., в котором сам Новиков стал главным действующим лицом.

Масонская организованная структура создавалась как параллельная Российской государственности, причем она была основана не на социально-политических, а личных связях. В ней соблюдались определенные правила

закрытости и конспирации. Масонское братство должно было стать выше конфессиональной, национальной и социальной общности. Свой вклад в развитие русского масонства внес Новиков. Он активно участвовал в масонских ложах разных направлений, с 1784 г. вошел в высшее управление этим движением в России и был возведен в высшие его степени[37]. Наиболее близки оказались ему розенкрейцеры, главной задачей которых являлось нравственное совершенствование, «искание света», тогда как другие ложи более занимались мистической «разгадкой тайны масонской».

По мнению В. Н. Тукалевского, Новиков стремился «найти правду человеческих отношений, освободить религиозное чувство от ложных заблуждений, пролить свет на природу личности и ее отношение к миру вообще, самому себе и своему ближнему в частности — всё это являлось главной целью Новикова и позднее московского масонства, в котором он принимал участие»[38]. Масонство Новиков определял как следование «по стезям христианства». Этот путь для него нашел выражение в многочисленных книгах по вопросам христианства, в помощи бедным, «своим братьям-людям», в образовательной деятельности, в просвещении посредством книги. Такая сосредоточенность сказалась на содержании издательской деятельности Новикова. Но теперь это — не сатирические журналы и не «Вивлиофика», а учебники, ученые сочинения и книги религиозно-нравственного содержания. Благонравие и просвещение, новые педагогические задачи и применение новых методов воспитания стали основными задачами при учреждении в Петербурге Новиковым и другими масонами Екатерининского и Александровского училищ[39].

В новейшей научной литературе масонство определяется как философско-религиозное движение, отражавшее светский характер культуры XVIII в., насыщенное идеями деизма и просветительского рационализма. По мнению Р. Фаджонато, Новиков и его кружок не просто усваивали чужие идеи, а открывали через них сокровища собственного духовного наследия. Поэтому они обратились к розенкрейцерству, в котором слово «просвещение» приобрело ярко выраженное религиозное значение. Розенкрейцерство стремилось стать звеном, соединявшим просветительскую светскую культуру с религиозным внецерковным мышлением. Это направление масонского движения подразумевало высшее внутреннее братство[40].

Такие идеи стали побудительными мотивами для активной просветительской деятельности. Новиков издавал журналы и книги масонского, просветительского и развлекательного содержания, словари и научные труды, основывал училища и Педагогическую семинарию, в которых осуществлялось независимое от официальных властей образование. Активной была его филантропическая деятельность в пользу тех, кто нуждался в материальной поддержке. В 1781 г. было создано также первое в России студенческое общество, которое поощряло переводческую и литературную деятельность[41]. Впрочем, на отбор опубликованных Новиковым исторических материалов во втором издании «Вивлиофики», во время его активной масонской деятельности, а также на новиковское понимание российской истории и содержание исторических разысканий масонские идеи не воздействовали.

Между тем, масонские ложи создавали условия не только для формирования особых религиозно-нравственных настроений. Закрытость, организованность и обрядность формировали у их членов состояние автономности по отношению к российской верховной власти и подчиненной ей государственной системе, а также по отношению к Православной Церкви, включенной в эту систему. Поэтому активная масонская, издательская и общественно-просветительская деятельность Новикова вызвала настороженность, а позднее и репрессии властей. Указом 23 декабря 1785 г. Екатерина предписала Я. А. Брюсу составить роспись «многим странным книгам», которые выходят из типографии Новикова, а самого его «испытать» в Законе Божием архиепископом Платоном. Специально назначенным светским и духовным «особам» следовало «освидетельствовать» «книги из новиковской и других вольных типографий, где что-либо касается до веры или дел духовных, и для наблюдения, чтобы таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются». Аналогичный указ тогда же был отправлен архиепископу Платону.

Платон быстро исполнил поручение и уже в январе следующего года императрице «донес», что Новиков как христианин безупречен, но книги, изданные в его типографии, он разделил на три «разряда». К первому из них Платон отнес «книги собственно литературные». Эти книги следовало «более и более» распространять, чтобы они содействовали образованию. Во втором разряде, написал архиепископ, «я полагаю книги мистические, которых не понимаю, а потому не могу судить оных». Решительно осудил Платон книги «третьего разряда». Они — «самые зловредные, извращающие добрые нравы и ухищряющие подкапывать твердыни святой нашей веры. Сии-то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать, как пагубные плевела, возрастающие между добрыми семенами»[42]. Таким образом, интересы императрицы и архиепископа Московского в определенной мере разошлись. Она желала осуждения Новикова и масонов, но получила защиту Новикова, решение масонской проблемы на собственное усмотрение и полное неприятие трудов энциклопедистов, столь популярных тогда в просвещенном обществе европейских стран, а также в суждениях ее самой. Так что Екатерине пришлось решать проблемы по своему разумению. Ее решения раскрывают смысл происходивших событий.

Указом 17 октября 1788 г. она запретила аренду Новиковым университетской типографии. В 1791 г. члены Типографической компании вынуждены были ее ликвидировать. Но события в революционной Франции всё развивались. Крайне подозрительными являлись масоны-мартинисты, которых отождествляли с революционерами, а также масонская деятельность Новикова.

Были установлены связи масонов с наследником престола Павлом Петровичем. Всего этого было достаточно, чтобы после обысков 22 и 24 апреля 1792 г. Новиков был арестован. Как опаснейший преступник он был перевезен в Шлиссельбургскую крепость, где следствие над ним с 3 июня того же года вел наводивший ужас С. И. Шешковский, доверенное лицо императрицы[43].

«Вопросные пункты» Шешковского не сохранились. Но запись ответов Новикова раскрывает суть обвинений. Он сформулировал свое понимание масонства как следование заветам христианства и нравственности «посредством самопознания». Сообщая о многих масонах, их ложах и деятельности, он решительно отвергал обвинения в антиправительственной деятельности и в «упражнениях» в мистике[44]. Между тем, Екатерина и властные структуры обратили особое внимание на несоответствие масонской организации идеологии абсолютной монархии, учитывая также династическую коллизию длительного правления императрицы и отстранения от управления наследника престола. Значительное воздействие на принимаемые решения в отношении масонов продолжали оказывать события в революционной Франции.

В указе 1 августа 1792 г. главнокомандующему в Москве князю А. А. Прозоровскому, который к этому времени сменил Я. А. Брюса, указаны преступления, в которых обвинялся Н. И. Новиков и его «сообщники». По тому же следствию в качестве главных обвиняемых проходили действительный статский советник князь Н. Н. Трубецкой, полковник в отставке и теоретик масонства И. В. Лопухин, директор университета И. П. Тургенев, а также многие другие высокопоставленные подозреваемые. При этом степень обоснованности обвинений не имела определяющего значения.

Для властей предержащих обвинения Новикову стали достаточными, чтобы осудить его за преступление против государства, против династии и Церкви. Еще М. Н. Лонгинов обратил внимание на то, что такое решение было принято без суда. Он отметил и внешнеполитический фактор, который воздействовал на принятое решение — не только Французскую революцию, но также революционную активность в других европейских странах. К тому же 7 апреля 1792 г. императрица получила сообщение об убийстве на костюмированном балу 16 марта шведского короля Густава III. Тогда и в России опасались революционных эмиссаров, так что в Царском селе, куда приезжала Екатерина в свой любимый дворец, было велено следить за приезжающими иностранцами. В соответствии с выводом Лонгинова, по этим причинам 1 августа 1792 г. Новиков был осужден на 15 лет содержания в Шлиссельбургской крепости как глава масонского общества и как энергичный, предприимчивый человек. Он стал «очистительной жертвой», поскольку наказание знатных масонов, обвиненных по этому делу, было ограничено ссылкой в их деревни или же по отношению к ним не было применено никакой кары. К близким выводам пришел В. П. Степанов, который отметил также влияние на этот приговор предшествующего процесса Н. А. Радищева и суждения о Новикове как о главе масонского заговора[45].

В литературе существовало мнение, что императрица расправилась с Н. И. Новиковым как с прогрессивным общественным деятелем, идейным противником. Его масонство стало лишь поводом для ареста[46]. Между тем конкретный анализ правительственных преследований Новикова показал, что он был осужден не как просветитель, а как масон[47]. Были отмечены в научной литературе несколько причин сурового приговора Новикову: политические интриги немецких розенкрейцеров против России, стремление аристократической группировки в окружении наследника престола великого князя Павла Петровича использовать масонство для установления аристократической конституции, попытки иллюминатов установить тайные связи с московскими розенкрейцерами для уничтожения монархии в Баварии, издание и распространение Новиковым запрещенных книг[48].

На следующий день после смерти Екатерины Павел I своим указом приказал освободить Новикова с предоставлением императору «бумаг до обвинения порутчика Новикова и соучастников его относящихся». Через три дня он был выпущен из Шлиссельбургской крепости. Плохое состояние здоровья и расстроенное имущественное состояние не позволили ему более заниматься общественной деятельностью. Несмотря на это, во время неурожая на обеспечение своих крестьян хлебом он потратил значительную часть из десяти тысяч рублей, полученных после заклада в Московский опекунский совет своего родового имения Авдотьина[49]. Умер Новиков 31 июля 1818 г.

В начальный период деятельности Новикову было свойственно продолжение Петровской традиции — одобрение тех, кто служит государю и Государству, тех, кто трудится, и осуждение бездельников. Этот круг идей был расширен и другими принципами Нового времени — этичным, профессиональным отношением к научным занятиям и труду литератора, пропагандой пользы наук и литературы, свободы мышления.

Такие начала стали совмещаться с формированием Новикова как личности с независимой общественной позицией. В своей журналистской деятельности 1769–1774 гг. он обличал все виды несправедливостей, в том числе и крепостной действительности в современной ему России. В своем требовании критики конкретных представителей зла он оппонировал екатерининской критике обобщенно названных недостатков. Обличая уродливые явления крепостничества, Новиков требовал не отмены крепостного права, а гуманного отношения к крепостным людям и рационального ведения хозяйства. В таком содержании критики возникала значительная зона ее совпадения с усилиями Екатерины II в начальный период ее царствования по осуществлению теории и практики «просвещенного абсолютизма» в гармонизации существующих общественно-правовых отношений, но не в преобразовании их. Впрочем, Новикова отличало стремление к раскрытию сущности явлений, утверждению реальных знаний, грамотности и наук, а не к их внешним выражениям. Такое оппонирование создавало условия для смягчения Новиковым критики общественных недостатков, а для императрицы — возможности поддерживать Новикова в умеренном

содержании просветительской деятельности. В это обширное поле входили усилия по развитию исторической науки в России.

Новикову была свойственна любовь к Отечеству и его истории, но без их идеализации, стремление показать сложное содержание исторических событий. Он проявил обширные познания в отечественной истории и понимание труда историка в преемственности исторических исследований, в сопоставлении сведений исторических источников, в уточнении времени происходивших событий. Обобщение Новиковым всего опыта в изучении российской истории и летописания свидетельствовало об особом значении в 1770–1780-е гг. издания самых разных видов нарративных и актовых материалов. Публикация двух собраний исторических материалов в «Древней Российской вивлиофике» стала выражением осознанного выбора Новиковым «нового пути» в создании непрагматической истории, которой свойственен критический анализ используемых исторических источников и сообщаемых ими сведений. Эта грандиозная публикация двух лишь частично совпадавших в содержании изданий «Вивлиофики» была осуществлена при активной поддержке Екатерины II, практической помощи Миллера, Бантыш-Каменского, Щербатова, а также многих духовных и светских лиц. В изданиях «Вивлиофики» и других неосуществленных намерениях многотомных публикаций Новикова проявилось его широкое ви́дение проблем дальнейшего развития исторической науки по введению в научный оборот многих и разных по происхождению исторических источников. Вместе с тем он освоил методы конкретного исторического анализа, включая комплексное изучение проблем, описания источников и установления их датировки, исследовательских проблем, которые появляются в результате изучения исторического источника, а также светского изучения церковной истории.

[1] *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974. С. 272–295.
[2] Там же. С. 282.
[3] *Берков П. Н.* Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 8.
[4] Трутень. 1769 г. Л. 1; Сатирические журналы Н. И. Новикова: Трутень. 1769–1770. Пустомеля. 1770. Живописец. 1772–1773. Кошелек. 1774 / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 46.
[5] *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений: В 2 т. / Сост., подг. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 21–22, 24 и след.
[6] Трутень. 1769 г. Л. 1, 5; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 46, 60; *Незеленов А.* Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб., 1875. С. 149–152.
[7] Трутень. 1769. Л. 24, 27; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 135, 144.
[8] *Незеленов А.* Николай Иванович Новиков... С. 153, 170.
[9] Письма Н. И. Новикова / Сост. А. И. Серков, М. В. Рейзин. СПб., 1994. С. 11.
[10] Живописец. 1772 г. Л. 5; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 295, 560–564; *Татаринцев А. Г.* Идейно-эстетическая позиция автора «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 87–103.
[11] *Степанов В. П.* Новиков и его современники (Биографические уточнения) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 218.
[12] Трутень. 1769 г. Л. 28; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 146–149.

[13] Трутень. 1770 г. Л. 6, 8, 10, 16; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 201, 211, 218–219, 241–242, 554.
[14] *Незеленов А. И.* Николай Иванович Новиков... С. 181–189; *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 181–185.
[15] Живописец. 1772 г. Ч. 1. Л. 1–3; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 283, 284, 288–291.
[16] *Незеленов А.* Николай Иванович Новиков... С. 180–184.
[17] *Привалова Е. П.* Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 104–112.
[18] Кошелек. 1774. Вместо предисловия, л. 2–4; Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 477, 481, 488–491.
[19] *Новиков Н. И.* Древняя Российская идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей и какие по них городы и урочища, и на каком оные расстояния. СПб., 1773. С. 50–54.
[20] *Сухомлинов М.* Н. И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях // Записки имп. Академии наук. 1865. Т. 6, кн. 2 (отд. отт.). С. 2–28.
[21] *Лепехин М. П.* «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова: (Некоторые проблемы изучения русской литературы XVIII века) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 234–250.
[22] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1971. Ч. 3. С. 102–103; *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 264.
[23] *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. С. 289.
[24] *Sellius A.* Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politica-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrant. Rivaliae, 1736.
[25] *Новиков Н.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий из словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 73, 74, 97, 136, 148–149, 204, 230.
[26] *Новиков Н.* Древняя Российская идрография... СПб., 1773. Без пагинации.
[27] *Моисеева Г. Н.* Археографическая деятельность Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 24–25.
[28] *Тихонравов Н. С.* Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4. Отд. 3. С. 42.
[29] Там же. С. 42–43.
[30] Здесь и далее см.: *Новиков Н. И.* Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год. СПб., 1873.
[31] *Тихонравов Н. С.* Летописи русской литературы... Т. 4. Отд. 3. С. 46–48; *Долгова С. Р.* Исторический журнал Н. И. Новикова «Сокровище российских древностей»: Приложение к факсимильному изданию. М., 1986. С. 25–29.
[32] Там же. С. 126.
[33] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 397.
[34] *Новиков Н. И.* Санкт-Петербургские ученые ведомости... С. 29, 31, 43, 47–48, 131.
[35] Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 48–51.
[36] *Новиков Н. И.* Санкт-Петербургские ученые ведомости... С. 29–32, 41–48, 66, 68–74, 76–78, 148–151.
[37] *Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 371.
[38] *Тукалевский В.* Н. И. Новиков и И. Г. Шварц // Масонство в прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1. С. 182–191.
[39] *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 99–108; *Вернадский Г.* Николай Иванович Новиков. Пг., 1918. С. 30, 140–142.
[40] *Фаджонато Р.* Розенкрейцерский кружок Новикова: предложение нового этического идеала и образа жизни // Новиков и русское масонство. М., 1996. С. 38–39.
[41] *Вернадский Г.* Николай Иванович Новиков. С. 32–82; *Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович. С. 368–372.

[42] *Лонгинов М. Н.* Новиков... С. 016–018, 035.
[43] *Вернадский Г.* Николай Иванович Новиков. С. 83–119, *Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович. С. 373.
[44] *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. С. 074–076, 0112.
[45] *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. С. 0114–0115, 0154–0155, 340–354; *Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович. С. 373–374.
[46] *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 522; *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. С. 120–121.
[47] *Западов В. А.* К истории правительственных преследований Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 37–48; *Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович. С. 374, 376.
[48] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 405; см. там же литературу.
[49] *Вернадский Г.* Николай Иванович Новиков. С. 128.

References

ANDREEVAT. V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie*. St. Petersburg, 2009.

BERKOVP. N. *Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII veka*. Moscow; Leningrad, 1952.

BERKOVP. N. *Nasushchnye voprosy izucheniya obshchestvennoi pozitsii N. I. Novikova* // XVIII vek. Leningrad, 1976. Vol. 11. P. 5–15.

DERBOVL. A. *Obshchestvenno-politicheskie i istoricheskie vzglyady N. I. Novikova*. Saratov, 1974.

DOLGOVAS. R. *Istoricheskii zhurnal N. I. Novikova "Sokrovishche rossiiskikh drevnostei": Prilozhenie k faksimil'nomu izdaniyu*. Moscow, 1986.

FADZHONATOR. *Rozenkreitserskii kruzhok Novikova: predlozhenie novogo eticheskogo ideala i obraza žizni* // Novikov i russkoe masonstvo. Moscow, 1996.

LEPEKHINM. P. "*Opyt istoricheskogo slovarya o rossiiskikh pisatelyakh*" *Novikova: (Nekotorye problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka*) // XVIII vek. Leningrad, 1989. Vol. 16. P. 234–250.

LONGINOV M. N. *Novikov i moskovskie martinisty*. Moscow, 1867.

MAKOGONENKO G. *Nikolai Novikov i russkoe Prosveshchenie XVIII veka*. Moscow; Leningrad, 1952.

MAKOGONENKO G. P. *Denis Fonvizin: Tvorcheskii put'*. Moscow; Leningrad, 1961.

MOISEEVA G. N. *Arkheograficheskaya deyatel'nost' N. I. Novikova* // XVIII vek. Leningrad, 1976. Vol. 11. P. 24–36.

NEZELENOV A. *Nikolai Ivanovich Novikov, izdatel' zhurnalov 1769–1785 gg*. St. Petersburg, 1875.

NOVIKOV N. *Drevnyaya Rossiiskaya idrografiya, soderzhashchaya opisanie Moskovskogo gosudarstva rek, protokov, ozer, kladyazei i kakie ponikh gorody i urochishcha, i na kakom onye rasstoyaniya*. St. Petersburg, 1773.

NOVIKOV N. I. *Sankt-Peterburgskie uchenye vedomosti na 1777 god*. St. Petersburg, 1873.

NOVIKOV N. *Opyt istoricheskogo slovarya o rossiiskikh pisatelyakh. Iz raznykh pechatnykh i rukopisnykh-knig, soobshchennykh izvestii iz slovesnykh predanii sobral Nikolai Novikov*. St. Petersburg, 1772.

PESHTICH S. L. *Russkaya istoriografiya XVIII v*. Leningrad, 1971. Part 3.

Pis'ma N. I. Novikova / Sost. A. I. Serkov, M. V. Reizin. St. Petersburg., 1994.

PRIVALOVA E. P. *Sotsial'naya problema na stranitsakh zhurnala Novikova "Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma"* // XVIII vek. Leningrad, 1976. Vol. 11. P. 104–112.

Rossiiskoe zakonodatel'stvo XX–XX vekov. Moscow, 1986. Vol. 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma.

Satiricheskie zhurnaly N. I. Novikova: Truten'. 1769–1770. Pustomelya. 1770. Zhivopisets. 1772–1773. Koshelek. 1774 / Red., vstup. stat'ya i komm. P. N. Berkova. Moscow; Leningrad, 1951.

SHAPIRO A. L. *Russkaya istoriografiya s drevneishikh vremen do 1917 g*. Moscow, 1993.

STEPANOV V. P. *Novikov i ego sovremenniki (Biograficheskie utochneniya)* // XVIII vek. Leningrad, 1976. Vol. 11. P. 49–76.

STEPANOV V. P. *Novikov Nikolai Ivanovich* // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. St. Petersburg, 1999. Vol. 2. P. 363–376.

SUKHOMLINOV M. *N. I. Novikov, avtor istoricheskogo slovarya o russkikh pisatelyakh* // Zapiski imp. Akademii nauk. 1865. Vol. 6, part 2 (otd. ott.).

TATARINTSEV A. G. *Ideino-esteticheskaya pozitsiya avtora «Otryvka puteshestviya v*** I*** T***»* // XVIII vek. Leningrad, 1976. Vol. 11. P. 87–103.

TIKHONRAVOV N. S. *Letopisi russkoi literatury i drevnosti*. Moscow, 1862. Vol. 4.

TUKALEVSKII V. *N. I. Novikov i I. G. Shwarz* // Masonstvo v proshlom i nastoyashchem. Moscow, 1914. Vol. 1.

VERNADSKII G. *Nikolai Ivanovich Novikov*. Petrograd, 1918.

ZAPADOV V. A. *K istorii pravitel'stvennykh presledovanii N. I. Novikova* // XVIII vek. Leningrad, 1976. Vol. 11. P. 37–48.

Список литературы

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.

Берков П. Н. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 5–15.

Вернадский Г. Николай Иванович Новиков. Пг., 1918.

Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.

Долгова С. Р. Исторический журнал Н. И. Новикова «Сокровище российских древностей»: Приложение к факсимильному изданию. М., 1986.

Западов В. А. К истории правительственных преследований Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 37–48.

Лепехин М. П. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова: (Некоторые проблемы изучения русской литературы XVIII века) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 234–250.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

Макогоненко Г. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1952.

Моисеева Г. Н. Археографическая деятельность Н. И. Новикова // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 24–36.

Незеленов А. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб., 1875.

Новиков Н. И. Древняя Российская идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей и какие по них городы и урочища, и на каком оные расстояния. СПб., 1773.

Новиков Н. И. Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год. СПб., 1873.

Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий из словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1971. Ч. 3.

Письма Н. И. Новикова / Сост. А. И. Серков, М. В. Рейзин. СПб., 1994.

Привалова Е. П. Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 104–112.

Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма.

Сатирические журналы Н. И. Новикова: Трутень. 1769–1770. Пустомеля. 1770. Живописец. 1772–1773. Кошелек. 1774 / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951.

Степанов В. П. Новиков и его современники (Биографические уточнения) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 49–76.

Степанов В. П. Новиков Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 363–376.

Сухомлинов М. Н. И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях // Записки имп. Академии наук. 1865. Т. 6, кн. 2 (отд. отт.).

Татаринцев А. Г. Идейно-эстетическая позиция автора «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 87–103.

Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4.

Тукалевский В. Н. И. Новиков и И. Г. Шварц // Масонство в прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1.

Фаджонато Р. Розенкрейцерский кружок Новикова: предложение нового этического идеала и образа жизни // Новиков и русское масонство. М., 1996.

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост., подг. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959.
Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.

М. Б. Свердлов. Н. И. Новиков как историк России древней и новой

Статья посвящена анализу взглядов Н. И. Новикова на состояние России в древней и новейшей ее истории в контексте его биографии и издательской деятельности.
Ключевые слова: Н. И. Новиков, нравы, патриотизм, издательская деятельность, журналы, исторические источники.

M. B. Sverdlov. N. I. Novicov as a historian of old and new Russia

The article is devoted to analysis of N. I. Novicov's views at a state of Russia in old and recent periods of its history in context of his biography and publisher's activity.
Key words: N. I. Novikov, manners, patriotism, publisher's activity, journals, historical sources.

Свердлов, Михаил Борисович — д. и. н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного университета им. А. И. Герцена.
Sverdlov, Michail Borisovitch — Dr. of Sciences (History), chief researcher, St Petersburg Institute of History, Professor, Russian State Pedagogical University.
E-mail: sverdlovmb@mail.ru

УДК 82–94
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00082

В. Г. Вовина-Лебедева

Попытка самоанализа: о несостоявшихся мемуарах В. М. Панеяха

Общеизвестно, что мемуары, как и письма, — один из наиболее сложных для использования исторических источников, особенно если они писались в конце жизни мемуариста. У В. М. Панеяха остались мемуары, вернее, попытка мемуаров, которую он назвал «Вспышками памяти». Панеях писал их незадолго до смерти и, начав писать, забросил, поскольку считал, что у него ничего не получилось. Однако текст не был уничтожен, и сохранился в архиве В. М. Панеяха, поступившем на хранение в СПбИИ РАН. Поэтому мы должны отнестись к тому, что осталось, именно как к попытке мемуаров, к их началу. Большая часть того, что было написано, относится к детству и юности. Даже университетские годы не описаны полностью. Как покажем ниже, видимо, это не случайно.

Многое из того, что попало в мемуары, друзья, коллеги и ученики В. М. в последние годы жизни слышали от него устно. Иногда это были более полные рассказы, чем то, что вошло в письменный текст. Иногда — наоборот. Во всяком случае, теперь ясно, что В. М., с одной стороны, проговаривал свой текст, испытывал его на слушателях, с другой — излагал устно уже написанные фрагменты, отчего они были очень четко сформулированы и воспринимались как готовые устные новеллы. Ясно также и то, что В. М. отбирал для обнародования только то, за что мог ручаться, или что считал важным. Он свободно писал о том, что относилось к нему самому, но, как представляется, предпочитал не писать некоторые вещи о других, опасаясь быть неточным. Возможно, в этом и заключалась причина того, что мемуары были им начаты, но не закончены. В. М. был